

Министерство здравоохранения
Администрации Московской области

Центральная Московская областная клиническая
психиатрическая больница

Московский областной Центр
социальной и судебной психиатрии

127083 г. Москва, ул. 8 Марта, д.1 тел. 612-03-32
Лицензия № ФС-77-01-004834 от 24.09.2009 г.

Исх. № С/и от 2.04 2010г.

МОСКОВСКАЯ КОЛЛЕГИЯ АДВОКАТОВ
"ЛИНИЯ ЗАЩИТЫ"

Адвокату ПЕДЧЕНКО В.В.

КОНСУЛЬТАТИВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА-ПСИХОЛОГА

Составлено на основании обращения адвоката Московской коллегии адвокатов "Линия защиты" Педченко В.В. №87 от 25.03.2010 г., в соответствии с п.4 ч.3 ст.6 "Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ", в котором содержится просьба оценить полноту, объективность и научную обоснованность выводов стационарной судебной комплексной психолого-психиатрической комиссии экспертов №514 от 23.07.2009 г. в отношении Евсикова Дениса Викторовича, 1977 года рождения, проведенной в ФГУ "Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им.В.П.Сербского".

Для психологического анализа представлена ксерокопия Заключения стационарной судебной комплексной психолого-психиатрической экспертизы №514 от 23.07.2009 года на Евсикова Дениса Викторовича, 1977 года рождения, проведенной в ФГУ "Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии" на 36 листах.

Как следует из представленного Заключения №514, Евсиков Д.В. был привлечен к уголовной ответственности по ст.105 ч.2 п.п. "а", "и", ч.3 ст.30 ст.105 ч.2 п.п. "а", "и", ст.222 ч.1 УК РФ. В процессе расследования уголовного дела, на основании постановления старшего следователя по особо важным делам Главного следственного управления Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации /фамилия следователя не указана/ от 05.06.2009 года, Евсикову Д.В. была назначена и проведена в ГНЦ социальной и судебной психиатрии имени В.П.Сербского стационарная судебная комплексная психолого-психиатрическая экспертиза, по решению которой "Евсиков Д.В. каким-либо психическим расстройством не страдает и не страдал таковым в период совершения инкриминируемых ему деяний; у него имеются акцентированные личностные черты. В период инкриминируемых ему деяний у Евсикова Д.В. не было признаков какого-либо временного психического расстройства, он находился в состоянии алкогольного опьянения средней

тяжести, мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими". Эксперты не уточнили, о каком деянии идет речь, поскольку в состав обвинения входит и ч.1 ст. 222 УК РФ, но, по-видимому, исключение временного психического расстройства и констатация алкогольного опьянения относится к оценке психического состояния Евсикова Д.В. на период ночи с 26 на 27.04. 2009 года при совершении им убийства двух лиц и покушении на убийство двух или более лиц. Психолог-эксперт дала пространные ответы на вопросы, поставленные следствием, дав оценку личности Евсикова Д.В., придя к выводу о том, что выявленные особенности личности Евсикова Д.В. "не оказывали существенного влияния на его поведение в момент совершения инкриминируемых ему действий" /с нашей точки зрения, корректнее было бы говорить об инкриминируемых деяниях/, а также к выводу о том, что "способность Евсикова Д.В. руководить своими действиями не была ограничена в связи с особенностями его психического развития", "в момент совершения инкриминируемых ему действий Евсиков Д.В. не находился в состоянии аффекта". На 7 вопрос, поставленный следователем, психолог-эксперт не ответила: "определение конкретной мотивации поведения Евсикова Д.В. не входит в компетенцию психолога-эксперта".

Анализируя психологическую часть Заключения судебной комплексной психолого-психиатрической экспертизы №514, следует отметить ряд существенных недостатков, ставящих под сомнение полноту проведенного исследования, объективность и научную обоснованность сделанных выводов.

I. Мотивировка отказа психолога-эксперта от ответа на важнейший для установления истины по данному делу вопрос о мотивации поведения Евсикова Д.В. при совершении инкриминируемых ему деяний: "не входит в компетенцию психолога-эксперта" вводит в заблуждения следствие и суд, да и коллег-психиатров, поскольку не соответствует научным исследованиям в этой области и экспертной практике. Один из основоположников отечественной судебно-психологической экспертизы профессор М.М.Коченов еще 30 лет назад сформулировал в своей монографии: "к компетенции судебно-психологической экспертизы, к ее частным предметам следует отнести установление ведущих психологических мотивов поведения и мотивации конкретных поступков" /с.16-17/, "если эксперт-психолог, не выходя за пределы своей научной компетенции, устанавливает психологические мотивы конкретного поступка, анализирует особенности мотивационной сферы испытуемого, такого рода исследования не противоречат общим принципам судебной экспертизы. Поэтому нельзя отрицать принципиальной возможности проведения судебно-психологичес-

кой экспертиз для определения психологических мотивов преступления" /с.23/- М.М.Коченов "Введение в судебно-психологическую экспертизу", М., 1980 г., Издательство Московского университета. По мнению ведущего психолога-эксперта ГИЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П.Сербского профессора И.А.Кудрявцева: "При решении вопроса о детерминации и селективности противоправного поведения, о свободе выбора преступного деяния определяющее значение приобретает рассмотрение мотивации содеянного", "установление нарушений мотивации при совершении инкриминируемых деяний является показателем существенного ограничения избирательности и подконтрольности криминального поведения обвиняемых"- И.А.Кудрявцев "Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза", М., 1999, Издательство Московского университета, с.254-255. Мног опубликованы десятки работ по изучению мотивации преступного поведения у психически здоровых лиц, психопатических личностей и лиц с психическими аномалиями, защищена докторская диссертация, выполненная в ГИЦ имени В.П.Сербского, на тему: "Мотивация противоправных действий у психопатических личностей", М., 1985 г., в которой подробно рассматриваются вопросы экспертной оценки мотивации преступного поведения, в том числе анализируются т.н. "безмотивные" преступления. Безграмотное утверждение психолога-эксперта о том, что "определение мотивации не входит в компетенцию психологической экспертизы", которая, либо должна была установить психологические мотивы поведения Евсюкова Д.В., либо констатировать безмотивность инкриминируемых ему деяний, не позволило судебным психиатрам и суду опираться на это важнейшее доказательство по делу, важнейший диагностический признак, позволяющий объективно оценить его психическое состояние в исследуемый период времени. Кстати сказать, в перечне психологических методик, использованных психологом-экспертом при исследовании Евсюкова Д.В., отсутствуют методики и приемы, позволившие бы выявить эти мотивы, в частности Тематический апперцептивный тест, если бы они носили психологически понятный, а не болезненный характер. Отсутствие даже попытки их установления однозначно делает проведенное Евсюкову Д.В. психологическое исследование неполным, а сделанные выводы необоснованными и необъективными.

2. Ответы психолога-эксперта на 5,6 вопросы носят многословный, путанный, противоречивый характер, повторяя результативную часть, не являются обобщенными выводами из результатов проведенного исследования, в силу чего не использованы психиатрами для обоснования выставленного диагноза "акцентуированные личностные черты" и не могли быть использованы судом для оценки их влияния на поведение

Евсикова Д.В. при совершении инкриминируемых ему деяний. Довольно странно выглядит исследовательская часть психологического исследования. В ней полностью отсутствуют конкретные результаты использованных личностных тестов. Вместо описания данных, полученных с помощью тестов ММРІ, Розенцвейга и других тестов, задействованных в исследовании, психолог, без какой-либо привязки к использованным методикам, широкими мазками описывает личность Евсикова Д.В., не раскрывая, каким образом это все получено, из каких тестов это следует. Перечисляются "потребность в самоактуализации и самореализации, поддержании присущей ему высокой самооценки..., элементы игровой мотивации,... определенный авантюризм,... готовность жертвовать относительно устойчивыми привязанностями ради достижения значимых целей,.. стремление реализовывать свои внешнеобвиняющие и агрессивные импульсы социально приемлемым путем" и т.д. Весь этот "психологический портрет" выполнен без каких-либо доказательств, опоры на конкретные методики, не приведены количественные показатели /а тестирование это предполагает/, носит субъективно-художественный характер, и в силу этого, не может быть положен в основу выводов научно обоснованной судебной экспертизы. Такое представление результатов экспериментально-психологического исследования нарушает Инструкцию по составлению "Заключения комплексных судебно-психиатрических исследований", утвержденную приказом Минздрава России №401 от 12.08.2003 года, в которой указывается "обязательно должны быть представлены в полном объеме использованные методы и результаты их применения, которые легли в основу заключения". Часть методик, использованных при исследовании Евсикова Д.В., вообще не должны, с нашей точки зрения, применяться при производстве судебных экспертиз, т.к. они сконструированы слишком иррационально, чтобы можно было объяснить суду полученные с их помощью результаты, не защищены от симуляции или диссимуляции /тесты Липера, Кеттелла/и поэтому не доказательны.

3.В соответствии с Инструкцией по составлению "Заключения комплексных судебно-психиатрических исследований", утвержденной приказом Минздрава России №401 от 12.08.2003 года, психолог-эксперт должна была скорректировать вопрос №8 в постановлении следователя, указав, что он правомерен только в отношении несовершеннолетних обвиняемых /ч.3 ст.20 УК РФ/, вместо этого Заключение №514 содержит бессмысленную формальную отписку.

4.При ответе на вопрос №9 о наличии у Евсикова Д.В. физиологического аффекта в момент совершения инкриминируемых ему деяний, психолог-эксперт в очередной раз перепутала исследовательскую часть с формулированием вывода, который вместо полного заключения, содержит фрагмент беседы с испытуемым, характеристику его эмоционального состояния в разные периоды его жизни.

Кроме того, в тексте вывода №9 содержатся данные об эмоциональном состоянии Евсюкова Д.В., отсутствующие в исследовательской части психологического заключения, что совершенно недопустимо при оформлении экспертного заключения.

Обращает внимание утверждение психолога о том, что "в период, предшествующий событиям правонарушения /с декабря 2008 года/ у подэкспертного на фоне длительной субъективно значимой многофакторной психотравмирующей ситуации наблюдалось истощение личностных и физических ресурсов, эмоциональное напряжение, повышенная восприимчивость к фрустрирующим событиям". Это утверждение позволяло с полным основанием рассматривать гипотезы о "смещенном аффекте", "реакции короткого замкания", которые, в какой-то степени, могли прояснить мотивацию поведения Евсюкова Д.В. в период совершения инкриминируемых ему деяний. Однако, эти гипотезы ни в психологическом, ни в клиническом исследовании по каким-то причинам не рассматривались.

5. Одним из самых существенных недостатков Заключения №514, возможно объясняющим все вышеперечисленные дефекты его психологической части, является то, что в нем нарушен принцип комиссионности по отношению к исследованию вопросов психологического содержания, поставленных следователем. Вызывает удивление, что психиатрическую часть Заключения №514 подписывают три психиатра-эксперта, а на не менее сложные вопросы психологического содержания вынужден отвечать один психолог-эксперт. Это тем более странно, что в ГИЦ имени В.П.Сербского работает несколько профессоров, психологов-экспертов, которые при комиссионном рассмотрении психологических вопросов, не допустили бы столь очевидных ошибок.

В заключение, как медицинский психолог с 39-летним стажем экспертной работы, не выходя за рамки компетенции медицинского психолога, не могу не отметить, что по представленному Заключению №514, психическое состояние Евсюкова Д.В. в период совершения инкриминируемых ему деяний выходит за рамки простого алкогольного опьянения, "пьяного куража". Представленные материалы дают основание для совершенно иной оценки его психического состояния в этот период времени, и для иных ответов на вопросы, поставленные следователем. Сочетание безмотивных, автоматизированных действий при внешней целенаправленности поведения требует более глубокого изучения состояния сознания в этот период времени, исключения признаков помраченного сознания, особенно, с учетом патологической почвы органического происхождения, не укладывающейся в "акцентуацию личности".

Все вышесказанное позволяет усомниться в научной обоснованности

заключения судебной комплексной психолого-психиатрической экспертизы в отношении Евсикова Д.В., не полностью согласующегося со всей совокупностью объективных данных и не вполне отвечающего процессуальным требованиям к экспертному заключению, а в своей психологической части нарушающим Инструкцию Минздрава России об оформлении экспертного заключения. Заключение №514 не может рассматриваться как в полной мере соответствующее ст.8 Закона "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации", содержащей требования по объективности, всесторонности и полноте экспертных исследований. В связи с этим считаю целесообразным проведение повторной судебной комплексной психолого-психиатрической экспертизы в отношении Евсикова Д.В. на предмет установления его способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими в период совершения инкриминируемых ему деяний. Без полноценного психологического исследования этот вопрос не получил своего должного разрешения.

Руководитель психологической лаборатории
 Московского областного центра социальной
 и судебной психиатрии, психолог-эксперт
 высшей категории, стаж экспертной работы
 39 лет, доктор психологических наук,
 академик АГН

В.В.Гульдан

